

Кудланов К.Б., кандидат исторических наук, старший преподаватель, Курская академия государственной и муниципальной службы (Россия)

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕСТОРОННИХ ЗАХВАТОВ ЗЕМЕЛЬ С УЧАСТИЕМ ОДНОДВОРЦЕВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ XVII – XIX ВЕКАХ

В настоящей статье систематизировано отношение авторов советской эпохи к одному из самых изученных вопросов в истории однодворческого сословия – захвату земель с их участием. Главная причина этой изученности, помимо реального наличия такого явления, крылась в том, что этот вопрос использовался для обоснования теории «классовой борьбы». Цель статьи заключается в изучении советской историографии всесторонних захватов земель с участием однодворцев в XVII–XIX веках. Задачи исследования состоят в выявлении разницы интерпретаций различных авторов относительно вопросов завладения землёй однодворцев, а также захвата ими земельных угодий других сословий. На примере этих сравнений, автор пытается определить реально ли существовала «борьба классов» или же она являлась идеологической утопией марксизма. В процессе работы над исследованием использовались аналитико-синтетический и сравнительно-исторические методы, а также ретроспективный и историографический анализы. Автором описаны все ключевые работы, где упоминался вопрос захвата земель с участием однодворческого сословия. Все исследования распределены на две группы: политизированные и более объективные. В ходе рассмотрения объявленной темы автор приходит к выводу, что фундаментальное отличие советской эпохи в интерпретации вопроса захвата земель состоит «негативизме», который резко отличается от методов описания аналогичных явлений в дореволюционную и постсоветскую эпохи. Исследователь заключает, что вся многогранность процесса захватов земель с участием однодворческого сословия не вписывается в марксистские рамки «борьбы классов». По его мнению, эта методология не только сужает рассматриваемую историческую действительность, но и искажает её.

Ключевые слова: однодворцы, помещики, захваты, завладение землёй, землевладение, Центральное Черноземье.
DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-59-65

Введение. Традиционно в историографии захват земель находится в компетенции землепользования, а последний – в сфере крестьянского вопроса. В советский период все эти разделы историографии использовались для обоснования теории «классовой борьбы». В данной статье мы попробуем установить, насколько этот марксистский метод правдоподобен, в сравнении с имеющейся широтой материала. В этом историографическом обзоре мы упомянем только ключевых исследователей, затрагивавших эту узкоспециализированную проблему.

Методы. Статья базируется на принципах макро- и микроисторического анализа. Макроистория показала эффективность при выявлении общего хода мысли разных историографических эпох; сужая охват исследования, микроанализ позволил включить микрообъекты (конкретных авторов и их труды) в широкий историографический контекст.

Сравнительно-исторические методы мы использовали для сопоставления хода мысли авторов по отношению к захвату однодворческих земель. Соединение общих и уникальных явлений позволило выявить особенности оценки к завладению земельных угодий в каждом рассматриваемом нами исследовании. Проблемно-хронологический метод был использован в порядке рассмотрения трудов, отражающих вопрос

завладения земельных угодий. Историко-генетический метод раскрывал изменения хода интерпретации разных авторов в трёх историографических эпохах. Историко-типологический метод позволил рассмотреть место разносторонних захватов земель с участием однодворцев в ретроспективе всей истории этого сословия, а также в марксистской теории «борьбы классов».

Результаты и их обсуждение. Характер освещения земельных захватов в советской историографии строго руководствовался теорией «борьбы классов». Эта концепция хорошо описана в научном социализме. Коротко ее можно охарактеризовать так, что классовая борьба является основной движущей силой истории разделённого на слои общества [16]. Все выводы о захвате земель послереволюционная историография фильтровала этой методологией. Следовательно, историки советского периода являлись либо заложниками марксистского учения, либо его адептами. Одни, относятся к категории объективных историков, а другие – политизированных. Индикатор этой непредвзятости состоял в том числе, в отношении разных авторов к вопросу захвата земли.

К политизированным исследователям в основном относились те, кто посвятил себя изучению феномена «классовой борьбы» в исторической действительности или авторы неких докторских диссертаций. Большое внимание они уделяли

идеологической обработке информации. Некоторые из них, кстати, не брезговали оставлять в стороне, то что этой обработке не подходило. Вопросы, явно не касающиеся завладения земли, ревнители системы интерпретировали в духе «угнетений трудящихся масс однодворцев», относя их к разновидностям захватов. Например, в эту тематическую орбиту включался материал не только по торговле землёй, но и по всем видам злоупотреблений во всех областях (налогообложения, рекрутской повинности, межевания, личных взаимоотношений, перехода в другие сословия и т.д.). При всём этом, в большинстве своём, политизированная часть советской историографии изображала однодворцев потерпевшей стороной, умалчивая о фактах их агрессии по отношению к другим сословиям. Если последняя тема изредка и освещалась, то аргументировалось, как «противостояние трудящихся масс своим угнетателям».

К категории «ревнителей» стоит отнести такого знаменитого автора, как В.И. Недосекин. В его статье разработан вопрос захвата земель в Воронежской губернии XVIII века. В целом, он связывал обострение борьбы однодворцев и помещиков в середине XVIII в. с развитием капиталистических отношений в деревне ЦЧ. В аренде своей же земли, некогда захваченной помещиками, автор рассмотрел факт «развития капиталистических отношений» и «распада однодворческой общины». По мнению В.И. Недосекина, в результате усиленных захватов появились однодворцы, «живущие исключительно продажей рабочих рук» [11, с. 151]. Докторскую диссертацию этого автора можно по праву назвать серьёзным историко-идеологическим исследованием. На наш взгляд, нет работы, в которой было бы лучше приспособлено марксистское учение к истории ЦЧ втор. пол. XVIII века [12].

Благодаря выбору темы исследования, к категории политизированных можно отнести и труд П.К. Алефиренко. В общих чертах описав проблему, автор уделит 5 страниц своей работы захвату однодворческих земель помещиками. При этом изучаемая нами местность не затрагивалась. В целом, П.К. Алефиренко всё своё исследование сводит к классовой борьбе трудящихся масс с их эксплуататорами [1, с. 217–221].

Первоначальные взгляды Л.В. Милова также относили этого автора к категории «ревнителей марксизма». В своём исследовании он указал некоторые методы завладения землёй и [9, с. 32–33] и «видимость» борьбы правительства с этим явлением. На наш взгляд, неправдоподобна гипотеза Л.В. Милова, относительно длительности хода проведения генерального межевания по всей Российской империи. Автор предполагал, что массовые захваты земель помещиками

породили бунт 1773–1775 гг., который выявил необходимость в генеральном межевании. Его проведение Л.В. Милов тоже олицетворял с узаконением захваченных угодий и возможностью новых массовых прирезок земли помещикам. Учитывая прежний опыт, «господствующий класс» преднамеренно замедлял ход межевания для умаления как единовременных объёмов захватов, так и возможности масштабных возмущений в народе [9, с. 35]. Прямо противоречат данной гипотезе исторические факты, которые мы находим у Н.М. Дружинина. Последний констатировал нехватку специалистов межевого дела и чиновников этого департамента даже в 1833 года. Ещё Н.М. Дружинин указывал на нежелание проведения размежевания в среде некоторых государственных крестьян, часть которых даже сопротивлялась принудительным действиям министерства в этом направлении [5, с. 190]. Стоит отметить, что Л.В. Милов не перенёс нарративы своей молодости из одной историографической эпохи в другую. В его легендарном труде постсоветского периода «Великорусский пахарь», выполненный в конструктивном духе, автор уже не касался вопроса классовой борьбы [10].

Много пишет о «тяжёлом угнетении крестьян и диком произволе помещиков» в своём диссертационном исследовании А.П. Умрихина. Она пишет о захватах однодворческой земли не только дворянами [18, с. 90], чиновниками [14, с. 180], но и монастырями, и якобы даже самим царским домом, посредством их дворцовых крестьян [18, с. 74]. Автором описывается и процесс социального расслоения, при котором верхушка однодворцев скупала земли у своих собратьев по сословию [18, с. 91]. Как и упоминалось ранее, в советский период этот вопрос традиционно относился к захвату земель. Более того, А.П. Умрихина не скрывала наличие фактов завладения помещичьих угодий однодворцами, сопровождающиеся порой нападениями и даже убийствами [18, с. 143–145; 190; 194]. Аналогичная агрессия прослеживалась и по отношению к некоторым чиновникам [18, с. 181]. Однако, автор в марксистском духе оправдывала «невиновных» однодворцев, мол: «довели бедных, окаянные».

Интересна представленная автором в приложении её труда «хроника классовой борьбы... в Белгородском крае» [18, с. 233–238]. Там коротко описаны некоторые виды агрессии по отношению к помещикам, в том числе со стороны однодворцев. На основе описей РГАДА статистически у неё отражена острота «межклассовой борьбы». Захват земель и разгром имений помещиков между 1765–1775 гг. составляли незначительные 13 случаев из всех 184 обнаруженных автором. При этом однодворцы только 4 раза

фигурировали в упомянутых конфликтах (два случая неповиновения властям, захват ими мельницы помещика и ссылка на их наказания). Из этого можно заключить, что борьба дворян и однодворцев не была частым явлением в Белгородском крае.

В целом нужно отметить, что диссертационное исследование А.П. Умрихиной выполнено добросовестно. В её труде отражена широта человеческих взаимоотношений, но выводы, базирующиеся на теории «борьбы классов», не всегда правдоподобно сочетаются с представленным материалом.

Труд профессора МГУ, д.и.н. М.Т. Белявского нужно отнести к категории политизированных. Однако, в нём есть и значительные достоинства. Например, стоит отметить обилие использованного им материала. Так если, в Сборнике РИО было опубликовано лишь 5 наказов однодворцев в Уложенную комиссию 1767 г. [15, с. 296–322], то в книге М.Т. Белявского – уже 26 наказов однодворцев ЦЧ из всех 78 [2, с. 144]. По своей сути его исследование – это разносторонний анализ упомянутого источника. Другим достоинством труда профессора является наличие оригиналов наказов в конце его работы. Однако, стоит отметить, что при их внимательном рассмотрении, чётко прослеживается утопия теории классовой борьбы.

Цель исследования М.Т. Белявского состояла в выявлении агрессии помещиков по отношению к однодворцам, всячески обостряя обиды и противоречия между ними, порой притягивая «за уши» фактический материал к методологии марксистского учения. Например, автор ни слова не пишет о том, что однодворцы очень часто обвиняли самих помещичьих крестьян, прятаящихся за своих владельцев. Вряд ли столь опытный исследователь не замечал подобных деталей в их наказах. Скорее всего, материал был оставлен, т.к. противоречил идеологической установке монографии.

Нужно отметить и то, что между М.Т. Белявским и В.И. Недосекиным имел место небольшой историографический спор. В своей работе первый упомянутый профессор критиковал своего оппонента так: «Трактовка материалов наказов и выводы, которые на них строит В.И. Недосекин, выглядят необоснованными» [2, с. 141]. Сущность критики состояла в том, что примеры В.И. Недосекина взятые из наказов однодворцев, свидетельствовали не о развитии капиталистической формации, а о прямо противоположном – распространении и укреплении крепостнических отношений в ЦЧ. Кстати, в последующих работах В.И. Недосекин несколько смягчил оценку этих процессов [2, с. 142].

Фундаментальный труд потомка курских однодворцев Н.М. Дружинина «Государственные

крестьяне и реформа П.Д. Киселёва» – не менее политизирован. Однако, к вопросу захвата однодворческих земель помещиками, как ни странно, автор подошёл с правильным расстоянием абстракции исследования [4, с. 12–13], что помогло ему сохранить трезвое отношение к действительности. От этого Н.М. Дружинина мы отнесём к первому советскому автору, у которого, на наш взгляд, получилось объективно рассмотреть вопрос завладения однодворческой земли.

В первом томе его труда целый параграф посвящён: «наступлению дворянства на казённую деревню». О захвате однодворческих земель там говорится мало, но автор в беспристрастном академическом стиле правильно представил механизмы захватов. Ценность данной работы состоит в том, что в ней Н.М. Дружинин перечисляет систему государственных мер по противодействию захватам [5, с. 546]. Правда, вывод к этому ценному материалу автор представил в чистом марксистском духе. А именно, что все охранительные меры предпринимались не ради крестьянских интересов, а для укрепления государственной феодальной собственности [4, с. 303]. Критический подход не позволил Н.М. Дружину заключить то, что благо крестьян являлось и государственной пользой.

Другая важная черта исследования состояла в разностороннем рассмотрении вопроса захвата земель. Там перечисляются факты не только хищения угодий помещиками, но в качестве агрессоров нередко фигурируют и государственные крестьяне, в том числе у своих братьев по сословию, а также государства. Последнее явление автор называет «захватно-переложным земледелием» или «захватно-общинным землепользованием» [5, с. 420]. В целом же труд Н.М. Дружинина нужно назвать основательным, однако, с общими марксистскими идеологическими перекосами.

Кандидаты наук В.И. Проторчина и особенно Ф.И. Лаппо объективно относились к региональной истории. Не известно, произошло это по их личным убеждениям или по неглубокому изучению классиков марксизма-ленинизма. Однако, в исследованиях этих авторов между строками часто можно заметить не состыковки исторических реалий с выводами, привязанными к идеологии.

Несомненно, что для Отечественной истории эта «не сглаженность углов» является благом. Приведём некоторые примеры из их исследований. Так, В.И. Проторчина чётко указывает на то, что однодворцы часто сами захватывали земли у подобных себе [13, с. 131], а Ф.И. Лаппо замечал наличие такого же явления среди дворян [6, с. 245]. Озвученная внутри сословная конфронтация значительно разбавляет ту вражду между помещиками и однодворцами, на которой

акцентировали своё внимание В.И. Недосекин и М.Т. Белявский. Кстати, последний очень мало использует указы дворян в Уложенную комиссию, которые пестрят внутренними противоречиями между помещиками. В.И. Недосекин в своей статье хоть и использует эти указы, но вопрос их внутрисловных притеснений обходит стороной, уделяя внимание только отрицательным взаимоотношениям дворян с однодворцами.

Ф.И. Лаппо, конечно, тоже интерпретировал события в духе «классовой борьбы», но он слишком подробно описывал архивный материал. От этого факты, противоречившие марксистской идеологии, у него не скрываются, а происходящее рассматривается с различных сторон. Эта объективность является достоинством историка. Например, он увидел настоящие религиозные причины бунта однодворцев в с. Стаканово Орловской губернии [7, с. 317]. За что, кстати, на него обрушился с критикой В.И. Недосекин [12, с. 609]. Другое интересное замечание Ф.И. Лаппо состояло в том, что во время нападений однодворцев на помещиков, крестьяне последних искренне принимали сторону своих владельцев [7, с. 310]. Зачем владельческим крестьянам нужно было воевать против таких же по материальному положению однодворцев и защищать своих господ, которые их якобы всячески угнетали? Эта историческая закономерность изнутри подрывает теорию «борьбы классов», основанную на противостоянии угнетаемых и их обидчиков.

Н.Л. Рубинштейн тоже в своём добротном исследовании не смог обойти стороной вопрос завладения однодворческих земель во всём ЦЧ. Комплексной системы помещичьих захватов у автора нет, но он указывает на некоторые их методы. Во-первых, скупку однодворческих дворов внутри дач потомков мелких служилых людей и свода на эти земли своих крепостных крестьян. Во-вторых, приобретение пустошей и аналогичное их заселение [14, с. 55]. Ценен вывод Н.Л. Рубинштейна относительно очередности мер помещиков для захватов однодворческих земель с помощью черкасской колонизации.

Ещё у Н.Л. Рубинштейна встречается материал по захвату однодворческих угодий купечеством [14, с. 35], а также сведения по завладению земли среди самих помещичьих крестьян. Более того, автор даже похвалил князя Голицина за противодействие переходу части наделов от своих бедных крестьян к богатым [14, с. 142]. Таким образом, основополагающая особенность монографии состоит в том, что у её автора, входящего в число немногих советских исследователей, получилось сохранить историческую объективность при описании захватнической деятельности помещиков [14, с. 51–58].

Не менее объективен и В.М. Важинский, который в своём труде подтверждает попытки захватов земли крепостниками у мелких служилых людей, описывая их механизмы. Однако, автор отмечает, что это явление не было в XVII в. острым и массовым по причине ещё достаточного количества пустых земель, а также функционирования политики заказных городов в ЦЧ [3, с. 81]. В целом, труд В.М. Важинского очень ценен не только для всей истории мелкого служилого сословия, но и их землевладения в частности.

Заканчивая послереволюционный историографический обзор относительно вопроса завладения однодворческих земель, необходимо отметить, что советских авторов нельзя упрекнуть в добросовестности их работ. К тому же среди них имелось множество объективных исследователей. Политизированные же авторы «перегнули палку», не найдя золотой середины в манере интерпретации повествования исторических фактов. В целом, вся советская историография, на наш взгляд, являлась лишь жертвой системы, не позволяющей никакие идеологические отклонения от общепринятых марксистских норм.

Возможно и то, что остроту обсуждения проблемы обуславливала сама работа с источниками. Ведь больше всего вопросы «классовой борьбы» поднимались авторами, изучавшими захваты земель во время своего апогея во втор. пол. XVIII века. И это не удивительно, ведь именно в однодворческих «наказах в Уложенную комиссию 1767 г.» отразилась вся боль некогда привилегированного сословия, потерявшего своё исключительное положение. От этого даже Екатерина II, после ознакомления с жалобами однодворцев, назвала их: «людьми, весьма к ябеде привыкшими» [17, с. 723]. Некоторые же историки, работавшие с первоисточниками наказов, непроизвольно могли заразиться этим «криком однодворческой души». Тем более в подобном архивном материале находили себе благоприятную почву те, кто целесообразно искал исторические примеры для подтверждения теории «борьбы классов».

Итак, мы перечислили множество работ, где тем или иным образом фигурировал или рассматривался изучаемый нами вопрос. Отметим, что мы указали не все работы подобного характера, но для осмысления общих тенденций и их интерпретаций описанных исследований вполне достаточно. В данном историографическом обзоре, посвящённом одному из самой распространённой проблеме истории однодворцев, продемонстрирована вся многогранность захватов земель с участием изучаемого нами сословия. Очевидно, что вся озвученная широта процесса не вписывается в материалистические марксистские рамки. Эта методология не только сужала рассматриваемую историческую

действительность, но и искажала, разбавляя её негативом, очерняя целые слои общества.

Заключение. Подводя итог по советской историографии, посвящённой захвату земель с участием однодворческого сословия, отметим, что после революции 1917 г. данной теме было уделено особое внимание. Это обстоятельство вытекало из общей траектории движения исторической методологии, руководствовавшейся грубым материализмом. Поэтому в послереволюционный период приоритетным направлением становится социально-экономическая история. Политической тоже уделяется внимание, однако под сугубо критическим углом. В пределах государства духовная составляющая истории игнорируется и обходится стороной. Продолжает она изучаться, в основном эмиграцией. Появляется больше узкоспециализированных и региональных исследований, особенно в послевоенное время.

В целом всю советскую историографическую традицию можно подразделить на две составляющие. Одна из них имела политизированный характер, а другая – более беспристрастный. Однако, оба этих направления обязаны были стоять на догмах материализма, т.к. пропускались через строгую цензуру. Политизированность отражалась в яром использовании марксистского методологического аппарата, который зачастую искажал или обходил стороной факты, не подходившие под его шаблон.

Объяснение всей многогранности взаимоотношений между сословиями сводилась к учению о «классовой борьбе». Идеология, опиравшаяся на крестьян и рабочих, направлялась против высших слоёв общества. Заслуги дворянства, их польза государству, личные достоинства и справедливость её некоторых представителей – категорически игнорировались. Нестандартные случаи захватов с участием однодворцев, в

основном умалчивались, а уделялось внимание именно завладению их землёй помещиками. Большинство положительных тенденций обходились стороной, а читателю преподносилось исключительно различные злоупотребления, согласующиеся с марксистской теорией «борьбы классов». Скрытая цель подобных исследований состояла в доказательстве водворения социализма в России через революцию естественным путём, а не искусственным. Другими словами, требовалось историко-теоретическое оправдание ненависти между людьми.

Стоит отметить и добросовестность многих исследователей советского периода. Одни указывали на реальное наличие духовного фактора в исторических процессах, за что подвергались шквалу критики в свой адрес. Другие не могли обойти стороной многогранности взаимоотношений как внутри-сословий, так и между ними, что ставило под сомнение правдивость узкоспециализированного материализма. Третьи занимались чистой наукой, приспособлявали свои труды под советскую цензуру. Насколько это было возможно, они беспристрастно описывали ход исторических событий, сглаживая углы марксистской теории. Четвёртые были слабо с ней знакомы, отчего их исследования имели реалистично-описательный характер. В целом вся упомянутая выше научная деятельность, в своей совокупности, разрушала стройность и правдивость материалистической методологии.

Нужно заметить и то, что пользу для Отечественной истории приносили и политизированные авторы. Ведь они реально верили в светлость коммунистического будущего и ради этого писали свои фундаментальные исследования. Общей же чертой всей советской историографии является масштабная системная обработка разрозненного материала, пусть не всегда и в верном ключе.

Список литературы

1. Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1958. 421 с.
2. Белявский М. Т. Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767 – 1768 гг.). М.: Изд-во Московского университета, 1984. 268 с.
3. Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам южных уездов России). Учебное пособие к спецкурсу для студентов исторических факультетов педагогических институтов. Воронеж: Липецк облтипография, 1974. 237 с.
4. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1946. 633 с.
5. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 2. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. 680 с.
6. Лаппо Ф. И. Наказы однодворцев как исторический источник. Исторические записки. Т. 35. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. С. 239–259.
7. Лаппо Ф. И. Восстание однодворцев села Стаканово в 1776 г. // Исторические записки. Т. 44. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1953. С. 306–319.
8. Лев Гумилев. Энциклопедия. / Гл. ред. Е. Б. Садыков, сост. Т. К. Шанбай, М., 2013, с. 12–13.

9. Милов Л. В. Исследование об «экономических примечаниях» к генеральному межеванию (К истории русского крестьянства сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1965. 314 с.
10. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 573 с.
11. Недосекин В. И. Обострение борьбы за землю между помещиками и однодворцами Воронежской губернии в середине XVIII в. Известия Воронежского пединститута. Т. XIX. Воронеж: 1-я тип-я Воронежского Облуправления культуры, 1955. с. 133–154.
12. Недосекин В. И. Социально-экономическое развитие Черноземного Центра России во второй половине XVIII века. Дис. ... докт. наук. М., 1967. 680 с.
13. Проторчина В. М. К истории воронежских однодворцев в XVIII веке. Известия Воронежского пединститута. Т. XIX. Воронеж: 1-я тип-я Воронежского Облуправления культуры, 1955. с. 131.
14. Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (Историко-экономический очерк). М.: Госполитиздат, 1957. 495 с.
15. Русское историческое общество. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. CX–LIV. СПб., 1914. С. 296–322.
16. Семёнов Ю.И. Французские историки эпохи реставрации: открытие общественных классов и классовой борьбы // Философия истории. «Современные тетради», 2003. URL: <https:// Wayback Machine> (дата обращения 1.11.2022 г.)
17. Четвертные крестьяне // Энциклопедический словарь. Т. XXXVIII / Изд. Ф. А. Брокгауз, Е. А. Ефрон. СПб., 1903. С. 720–733.
18. Умрихина А. П. Положение крестьян и их борьба против крепостного строя в белгородской губернии во второй половине XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1973. 243 с.

SOVIET HISTORIOGRAPHY OF COMPREHENSIVE LAND CAPTURES WITH THE PARTICIPATION OF THE SMALLHOLDERS ESTATE

This article systematizes the attitude of the authors of the Soviet era to one of the most studied issues in the history of the one-courtyard estate – the seizure of land with their participation. The main reason for this study, in addition to the real existence of such a phenomenon, lay in the fact that this issue was used to substantiate the theory of «class struggle». The purpose of the article is to study the Soviet historiography of comprehensive land seizures with the participation of one-courtyard people in the XVII-th – XIX-th centuries. The objectives of the study are to identify the difference in the interpretations of various authors regarding the issues of taking possession of the land of smallholders, as well as the seizure of land by them of other estates. Using these comparisons as an example, the author tries to determine whether the «class struggle» really existed or whether it was an ideological utopia of Marxism. In the research process, the author used analytical-synthetic and comparative-historical methods, as well as retrospective and historiographies analysis. The author describes all the key works where the issue of land seizure with the participation of the one-courtyard estate was mentioned. All studies are divided into two groups: politicized and more objective. In the course of considering the announced topic, the author comes to the conclusion that the fundamental difference of the Soviet era in the interpretation of the issue of land seizure is «negative approach», which differs sharply from the methods of describing similar phenomena in the pre-revolutionary and post-soviet eras. The researcher concludes that the whole versatility of the process of land seizures with the participation of the smallholders estate does not fit into the Marxist framework of the «class struggle». In his opinion, this methodology not only narrows the historical reality under consideration, but also distorts it.

Keywords: one-courtyard people; smallholders; landlords; grips; land possession; land ownership; Central Chernozem region.

References

1. Alefirenko P. K. (1958). Krest'yanskoye dvizheniye i krest'yanskiy vopros v Rossii v 30–50-kh godakh XVIII veka [Peasant movement and the peasant question in Russia in the 30-50s of the XVIII century]. Moscow: Izd-vo Akad. Nauk SSSR. 421 p.
2. Belyavskiy M. T. (1984). Odnodvortsy Chernozem'ya (po ikh nakazam v Ulozhennuyu komissiyu 1767 – 1768 gg.) [One-courtyard people from the Central Chernozem region (according to their orders to the Legislative Commission 1767 – 1768)]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 268 p.
3. Vazhinskij V. M. (1974). Zemlevladieniye i sklady'vaniye obshhiny' odnodvorcev v XVII veke (Po materialam yuzhny'x uezdov Rossii). Uchebnoye posobie k speczkursu dlya studentov istoricheskix fakul'tetov pedagogicheskix institutov [Land ownership and the formation of the smallholders community in the XVII-th century (According to the materials of the southern counties of Russia). Textbook for a special course for students of historical faculties of pedagogical institutes]. Voronezh: Lipezsk obltipografiya. 237 p.
4. Druzhinin N. M. (1946). Gosudarstvennyye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva [State peasants and the P.D. Kiselevs reform]. Vol. 1. Moscow, Publ. House Academy of Sciences USSR. 633 p.

5. Druzhinin N. M. (1950). Gosudarstvennyye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva [State peasants and the P.D. Kiselevs reform]. Vol. 2. Moscow, Publ. House Academy of Sciences USSR. 680 p.
6. Lappo F. I. (1950). Nakazy odnodvortsev kak istoricheskiy istochnik [The Orders of the one-court-yard people as a Historical Source]. *Istoricheskiye zapiski = Historical notes*. Vol. 35. Moscow, Publ. House Academy of Sciences USSR. pp. 239–259.
7. Lappo F. I. (1953). Vosstaniye odnodvortsev sela Stakanovo v 1776 g. [The uprising of the one-court-yard people of the Stakanovo village in 1776]. *Istoricheskiye zapiski = Historical notes*. Moscow, Publ. House Academy of Sciences USSR, 1950, Vol. 44. pp. 306–319.
8. Lev Gumilev. Entsiklopediya [Lev Gumilev. Encyclopedia] (2013) / Gl. red. Ye.B. Sadykov, sost. T.K. Shanbay, Moscow. pp. 12–13.
9. Milov L. V. (2001). Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa [Great Russian plowman and features of the Russian historical process]. Moscow: ROSSPEN. 573 p.
10. Milov L. V. (1965). Issledovaniye ob «ekonomicheskikh primechaniyakh» k general'nomu mezhvaniyu (K istorii russkogo krest'yanstva sel'skogo khozyaystva vtoroy poloviny XVIII v.) [Research on «economic notes» to the general land survey (On the history of the Russian peasantry of agriculture in the second half of the XVIII-th century)]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta. 314 p.
11. Nedosekin V. I. (1955). Obostreniye bor'by za zemlyu mezhdru pomeshchikami i odnodvortsami Voronezhskoy gubernii v seredine XVIII v. [The aggravation of the struggle for land between the landowners and one-court-yard people of the Voronezh province in the middle of the XVIII-th century] // *Izvestiya Voronezhskogo pedinstituta = Proceedings of the Voronezh Pedagogical Institute*, Vol. XIX. Voronezh, 1-st Print. house of the Voronezh Regional Directorate of Culture. pp. 133–154.
12. Nedosekin V. I. (1967). Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Chernozemnogo Tsentra Rossii vo vtoroy polovine XVIII veka. [Socio-economic development of the Black Earth Center of Russia in the second half of the XVIII-th century]. Diss. ... dokt. nauk. Moscow. 680 p.
13. Protorchina V. M. (1955) K istorii voronezhskikh odnodvortsev v XVIII veke [On the history of Voronezh one-court-yard people in the XVIII-th century]. *Izvestiya Voronezhskogo pedinstituta = Proceedings of the Voronezh Pedagogical Institute*, Vol. XIX. Voronezh, 1-st Print. house of the Voronezh Regional Directorate of Culture. pp. 107–133.
14. Rubinshteyn H. L. (1957). Sel'skoye khozyaystvo Rossii vo vtoroy polovine XVIII v. (Istoriko–ekonomicheskoy ocherk) [Agriculture in Russia in the second half of the XVIII-th century. (Historical and economic essay)]. Moscow: Gospolitizdat. 495 p.
15. *Russkoye istoricheskoye obshchestvo. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva = Russian Historical Society. Collection of the Imperial Russian Historical Society (1914)*. Vol. CX – LIV. St. Petersburg. pp. 296–322.
16. Semonov YU. I. (2003). Frantsuzskiy istoriki epokhi restavratsii: otkrytiye obshchestvennykh klassov i klassovoy bor'by [French Historians of the Restoration Era: Discovery of Social Classes and Class Struggle] // *Filosofiya istorii. «Sovremennyye tetradi» = Philosophy of History. «Modern notebooks»*. URL: <https:// Wayback Machine> (accessed 11/1/2022)
17. Chetvertnyye krest'yane [Quarter peasants]. *Entsiklopedicheskiy slovar' = Encyclopedic Dictionary* (1903). Vol. XXXVIII / Izd. F.A. Brokgauz, Ye.A. Yefron, St. Petersburg. pp. 720–733.
18. Umrikhina A. P. (1973). Polozheniye krest'yan i ikh bor'ba protiv krepostnogo stroya v belgorodskoy gubernii vo vtoroy polovine XVIII veka. [The situation of the peasants and their struggle against the serfdom in the Belgorod province in the second half of the XVIII-th century]. Dis. ... kand. ist. nauk. Khar'kov. 243 p.

Об авторе

Кудланов Константин Борисович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии, социально-правовых и естественно-научных дисциплин Курской академии государственной и муниципальной службы (Россия), E-mail: kudlanov777@mail.ru

Kudlanov Konstantin Borisovich – PhD (History), senior lecturer at the Department of Philosophy, Social, Legal and Natural Sciences, Kursk Academy of State and Municipal Administration (Russia), E-mail: kudlanov777@mail.ru